

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

УДК 316.422.44

Е. Г. Каменский, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: kamensky80@mail.ru)

ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В ТЕХНОГЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ СЛОЖНОГО СОЦИУМА

Данная статья имеет своей целью сформировать общие контуры научного осмысления проблемы современного образа и содержания социального субъекта в сопряжении с процессами развития техносферы, в первую очередь конвергентных технологий. Суть проблемы заключается в том, что в современной техносоциальной реальности, вопреки трансгуманистическим чаяниям и философскому пафосу технократического оптимизма, представляющим собой не более чем осовремененную идеологию постмодернистского мировоззрения, социальная сущность человека, его личность как интегративный социокультурный феномен субъектно деградирует или хотя бы упрощается. Но в любом случае переживает глубокий социальный и экзистенциальный кризис, при этом радикально отличающийся по своим причинам сегодня от подобных состояний прошлого, циклически присутствующих ранее на тех или иных стадиях хронологии социокультурного развития. Это отличие продиктовано не только тем небывалым уровнем технико-технологического прогресса, который мы наблюдаем сегодня, но и его футурологией в самом широком спектре ее культурных и общественных локаций, начиная с научной рациональности и заканчивая экзистенциальным переживанием тоффлеровского футурошока в индивидуальной и коллективной биографии личности. Именно эти процессы с позиций решения задачи понимания и концептуализации проблемы трансформации социальной субъектности являются объектом данного исследования.

Ключевые слова: социальный субъект, субъектность, личность-оператор, конвергентные технологии, научно-технический прогресс, киберфизические системы.

***

Говоря о социальной субъектности, мы базируемся более всего на социологическом ее понимании, в первую очередь на деятельностном подходе, учитывающем вопросы статусно-ролевой активности личности, состояние и динамику интеракций деятельного субъекта с социокультурной средой в макросоциальном, институциональном и феноменологическом масштабе, не обходя вниманием и проблемы его самости, экзистенциального содержания.

Не вторгаясь глубоко в экзистенциальные аспекты самости, на заявленном уровне работы мы предполагаем осуществить попытку построения репрезентативной типологии современной личности-субъекта в контексте технократической идеологии инновационного развития в духовной сфере общества, бурного технико-технологического прогресса в науке и инженерной деятельности, заключенных в своих реальных социокультурных границах в области формирования технонауки [1] и конвергентных технологий

(NBICS), укреплением статуса концепции Индустрии 4.0 и киберфизических систем как новых пространств социальной активности в гибридной реальности [2; 3].

Операционально достаточно успешным можно считать определение субъектности, предлагаемое Л. С. Перевозчиковой, под которой она понимает характеристику человека, выражающую его свойства производить взаимообусловленные изменения в мире, в других людях, в общественных отношениях, в основе чего лежит отношение человека к себе как к деятелю [4, с. 308]. Будучи характеристикой личности, в рамках гуманистической парадигмы субъектность воплощается в социальной активности через самодетерминацию, самоопределение, саморегулирование, самосовершенствование, нормосозидание и законодательство, в аспекте полномочий и прав в осуществлении социально значимых целей [Там же, с. 313]. Схожим образом социальную субъектность определяют и другие авторы, в частности, Е. Ю. Леонова и О. Ф. Ларио-

нова [5], разграничивая ее с индивидуальной, требующей в большей мере психологического осмысления и научного аппарата описания.

В данном случае мы можем отметить в этих работах различные методологические ориентации, в первом случае на гуманистический подход, во втором, видимо, скорее на «идеологию инструментально-технологической рациональности, механистическую логику определения человека извне» [4, с. 309], акцентирующую, что «содержание социальной субъектности жестко детерминируется конкретными историческими и социокультурными условиями» [5, с. 140].

Однако в обоих случаях особо подчеркивается роль социальных ценностей, что имеет ключевое значение для нашей работы. Согласно Л. С. Перевозчиковой, самоопределение, осуществляемое в четырех основных пространствах (ситуационном, экзистенциальном, социальном, культурном), предполагает интеграцию личности-субъекта в систему ценностей, что на экзистенциальном уровне поднимает его жизненную активность на принципиально иной уровень – уровень жизненного пути [4, с. 310]. Е. Ю. Леонова и О. Ф. Ларионова также отмечают, что «важнейшим показателем и одновременно определяющим фактором становления и развития социальной субъектности в условиях современного общества выступает система ценностей и ценностных ориентаций индивида, актуализирующая цели достижения жизненного успеха» [5, с. 140].

Как мы видим, вопрос ценностно-нормативной регуляции актуален как для социальной, так и для внутренней субъектной идентификации личности, ее ориентации как в социокультурных, так и в экзистенциальных мирах самости. Таким способом формируется, говоря социально-психологическим языком, ее направленность, отраженная в установках, мотивах и социальных потребностях, репрезентируемая в поведении, преобладающих социальных практиках. Кроме того,

«социальный субъект не существует вне такой “ближайшей среды”, которая есть актуально наличный род существ с социентальными качествами» [6, с. 264].

Таким образом, сама проблема субъектности, ее трансформации в современной антропотехносфере является логическим следствием изучения проблем социокультурных контекстов развития новейших технологий в современном мире, т. е. состояния социума как контекстуальной среды и NBICS-технологий как ее продукта и инструмента ее же трансформации.

Какую ситуацию в связи с этим мы можем наблюдать сегодня? Она достаточно подробно описана в научной литературе, иллюстрируя два основополагающих для нашей работы аспекта. С одной стороны, социокультурный макроконтент общества справедливо характеризуется как «общество потребления», с другой – мы наблюдаем становление небывалых, завораживающих нас технологий, имеющих пока еще плохо осознаваемый потенциал трансформации, или даже реконструкции не только общественного устройства, но даже собственно «живого».

Не ставя перед собой цели описывать подробно эти феномены, мы будем рассматривать их в сопряжении с проблемой социальной субъектности человека, личности в пространствах техносреды в значимых для этого вопроса аспектах.

В частности, актуальная для современности проблема «сложности» начинает проникать в сферу социальных наук, ярким примером чего служат работы С. А. Кравченко о сложном социуме [7–9]. Однако эти характеристики, будучи справедливыми объективно к массовому субъекту, по нашему мнению, не играют для него никакой принципиальной роли в феноменологии его социального бытия. Более углубленное научное понимание мира, в том числе социального, в контексте общества потребления может иметь лишь статус продукта такого потребления, и новое знание в этом случае и есть лишь продукт институционального про-

изводства. Здесь мы приходим к проблеме включенности субъекта в институты производства, конструирования этого нового сложного общества и нас интересует именно производство знания и технологий как инноваций, на которых и основан этот «сложный социум», его нелинейность и бифуркации. При ином подходе мы рискуем оставаться в рамках описания современного социума как очередного этапа линейных детерминаций исторического процесса, что просто не соответствует действительности.

Описывая современное общество как контекстуальную среду формирования и реализации социальной субъектности, мы, следовательно, уже оперируем, в дополнение к указанным, такими характеристиками, как техногенность и сложность. Коснемся первого из этих аспектов в сопряжении с так называемой «макдональдизацией» [10] как технологическим принципом организации общества потребления.

Одним из глобальных техногенных феноменов современности является так называемая Индустрия 4.0. «Наступление четвертой промышленной революции связывают с развитием глобальных промышленных сетей, созданием интеллектуального производства (Smart Factory), внедрением киберфизических систем, распространением сервисов автоматической идентификации, сбора данных, машинно-машинного взаимодействия и др.» [11, с. 137]. Создание и развитие компонентов такой организации индустрии предполагает создание сложнейших адаптивных мультизадачных протоколов и интерфейсов, без которых она не может быть реализована. Эти интерфейсы и протоколы должны быть достаточно универсальными для всей системы подобного масштаба, иметь высокую степень унификации. Но какое место занимает социальный субъект в такой индустриальной среде и кем типологически он может быть представлен?

Мы полагаем, что базовым репрезентативным типом личности-субъекта в со-

временном техногенном обществе является **субъект-оператор** (*личность-оператор*). Попытаемся обосновать наше мнение.

Для того чтобы иметь возможность работы или, если угодно, коммуникации и интеракции с такими формирующимися «умными средами», человек необходимо овладевает операционными умениями пользователя. Такого рода коммуникацию и обеспечивают создаваемые интерфейсы и протоколы. Их социально-технологическую, механистично-алгоритмическую суть и отражает так называемая макдональдизация. Здесь именно актуальны инструментальные ценности, сводящиеся к навыкам метасубъекта как оператора, взаимодействующего с технологичной (в том числе в социальном аспекте) средой в рамках единообразных протоколов. В условиях современного этапа индустриальной революции, ознаменованной как Индустрия 4.0, проблема согласования протоколов коммуникации в разнородной культурной среде может быть устранена именно посредством таких интерфейсов. Само содержание новых категорий, таких как «Инновационное общество», «Информационное общество» и аналогичных, свидетельствует о небывалом росте социокультурного значения технико-технологических инструментов общественно-экономического развития. Здесь проблема «семиотического шва» [12; 13] культурных контекстов в мегаэкономике может быть редуцирована к проблеме конструирования искусственного протокола коммуникации на основании и по аналогии метаязыка взаимодействия высокотехнологичных машин.

Что это означает в ценностно-нормативном аспекте социально-экономического обмена? Это означает внедрение в устоявшиеся связи какой-либо национальной экономической системы унифицированных регулятивов, интегрирующих эту локальную систему посредством установления новых норм и ценностей глобальной экономической системы на новой технологической платформе.

При этом, в отличие от естественного процесса упорядочения социально-экономической жизни, где локально зародившиеся общественные ценности далее формируют нормы, служащие их охранительным механизмом, и инициализируются субъектом в процессе социализации, в нашем случае экспансия Индустрии 4.0 реализуется в интеграции формализованных нормативов как новых порядков функционирования. Простым, хотя на первый взгляд и несколько отвлеченным, примером социального прообраза такой тенденции можно считать, например, внедрение в российскую науку так называемых наукометрических показателей, измерение эффективности научного труда по критериям наличия у ученого публикаций в определенных системах цитирования, индексах цитирования его публикаций и аналогичных.

Эти тенденции важны не сами по себе, а в качестве иллюстрации интеграции национальных социокультурных сред в пространство коммуникаций, характерных именно для высокоразвитых индустриальных стран, предлагающих сложные системы коммуникативного обмена, циркуляции информации. При этом будучи, по сути, коммерческими проектами, такие системы приобретают статус, выходящий за эти рамки, и заключающийся в формировании площадок международной мета-коммуникации на основании единых стандартов участия в таком информационном обмене, владении протоколами этого участия. В принципе такой результат полностью вписывается в содержание понятия макдональдизации.

В такой среде для массового субъекта «инновация» приобретает статус идеологии, будучи кросс-культурным трендом, и возникает из процесса, а не из содержания коммуникации, имеющей в индустрии 4.0 статус целеположенного рационального обмена информацией. Будучи очередным этапом промышленной революции, эта система вполне адекватно имеет запрос на формирование обезличенных высокотехнологичных информа-

ционно-коммуникативных продуктов, в первую очередь в виде сетей. Как и существующая ныне Индустрия 3.0 и вообще любая высокоорганизованная транснациональная, и даже национальная индустриальная система, она оперирует информацией и функционирует в интеракциях, имеющих в лучшем случае идентификацию с производящими ее деперсонализированными типами социально-экономических субъектов, в лице которых все более выступают сетевые операторы, не имеющие субъектно-личностной идентификации и во все большей степени представленные искусственными подсистемами по принципу связи «машина – машина».

Еще в самом начале века социологами отмечалось, что «компьютерно-коммуникационные сети влекут за собой последствия для субъектов теоретизирования. Осуществляя... управление системой современного мирового мультинационального хозяйства, индивид не располагает сегодня адекватным аппаратом восприятия, познания, интериоризации гиперпространств» [10, с. 22]. Примером этому могут служить системы сложной логистики транснациональных корпораций и подобных динамических мегаструктур. Сегодня же отмечается, что «уже реализуются ситуации невозможности контроля взаимодействия мощных суперкомпьютеров, например при слиянии двух корпораций и объединения двух суперсистем документооборота, человек практически не понимает смысла происходящего, так возникают субъектности мира машин» [14, с. 30].

Говоря о втором аспекте характеристик современной социоантропотехнической системы, определяемом как сложность, в сопряжении с техногенностью, мы и выходим на проблему NBICS-конвергенции. Данная проблема выходит за границы концепции Индустрии 4.0. Продолжая его, она предлагает инструменты влияния на собственно социоантропный объект во всей его сложности, предполагая конвергентные же результаты такого влияния.

Теперь мы попытаемся конвергировать все три характеристики современного социума (потребительство, техногенность, сложность) с собственно вопросом содержания социальной субъектности, т. е. конвергентная связь NBICS-феномена и ее эмерджентные следствия должны быть рассмотрены контекстуально в отношении социального субъекта, в первую очередь личности в социокультурном аспекте. При этом вопрос актуален для понимания оснований и следствий присутствия социального субъекта в каждой из онтологических сред, порождаемых NBICS-конвергенцией. В этом случае «постнеклассическая рациональность, ядром которой являются междисциплинарные кластеры системно-кибернетических и синергетических понятий и нелинейных человекомерных моделей “система – окружающая среда”, породила новый комплекс уже трансдисциплинарных вопросов “второго порядка”, так или иначе группирующихся вокруг центральной проблемы: проблемы сложности, сложности сложности и, соответственно, систем ценностей в возникающем новом мире сложности» [15, с. 52].

Следуя этой логике, мы, вероятно, должны говорить и о социальном субъекте второго порядка, а также и «Морали 2.0», говоря о социокультурных ценностях. В философском осмыслении проблемы уже имеется выход на конструкт «Наблюдателя второго порядка» как наблюдателя сложности [16]. Однако пока еще такой наблюдатель отражает скорее сам смысл и образ социальной рефлексии, заключенной в границах *постпостнеклассической* рациональности, чем реальный социальный тип, массовый мировоззренческий императив. Он культурно референтен в наибольшей степени сегодня для самой теории сложности, чем реально осознается за ее пределами. При этом, развивая в современной науке этот подход, имеющий зачастую весьма вольные интерпретации, но далекие социальные следствия, нужно принимать во внимание, что «свобода творчества ученого

непосредственно связана с нравственным риском» [17, с. 28]. Но попытаемся перевести проблему из плоскости философской и научной рефлексии в области ее социальных репрезентаций.

Невозможность определения субъектом своей среды в объективных категориях и порождает необходимость такого наблюдателя – наблюдателя сложности [16; 18]. Подобное обстоятельство особо актуально для социального субъекта современного сложного социума, в массовом масштабе порождая не только проблему *рефлексивной сложности*, но и *сложности рефлексии*. И если Д. Дзоло утверждает, что «...субъекты, осознающие высокий уровень сложности среды, в которой они существуют, достигают состояния когнитивной циркулярности» [18], то мы считаем, что это актуально чисто эпистемологически. Реальный массовый социальный субъект скорее находится в хроническом состоянии когнитивного диссонанса и амбивалентности мышления. В социокультурном плане это проявляется, например, в эффекте ценностной тесноты общества потребления, описанной В. Г. Будановым [19]. И если Д. Дзоло полагает, что «такие субъекты сознают сложность, с которой придется столкнуться при попытках объяснить и спрогнозировать внешние, происходящие в среде явления...» [18], то мы считаем, что они ее не осознают, если только не включены в локальные, нередко все еще маргинальные в среде ортодоксов линейного позитивизма сообщества профессиональных ученых и философов.

Массовый социальный субъект не осознает необходимости примирения в своем мировоззрении ценностно-редуцированной атмосферы общества потребления, механистичной нормативной среды протоколов и интерфейсов новых техномиров и киберфизической реальности Индустрии 4.0, и выбора своих жизненных стратегий в объективной сложности нового социума, движение которых к следующим фазам сложности (Социума 2.0, Природы 2.0 и далее по модели

В. Г. Буданова [14]) стимулируется NBICS-конвергенцией. Но он экзистенциально когерирует к социуму и чувствует такую необходимость, воспринимая импульсы социокультурной среды, будучи не в состоянии ее объективировать. И сегодня нет ни одного социального института, кроме производящих консьюмеристские идеологемы политических структур, и образования, обслуживающих задачу легитимации новой индустриальной революции и экономической экспансии, которые разрабатывали и реализовывали бы регулятивно-ориентирующую функцию в социализации поколений. Современное образование, основанное на компетентностном и предметно-ориентированном подходе, несмотря на различные программные заявления и лозунги о проблемно-ориентированном обучении, лишено функции формирования целостной картины мира, что крайне деструктивно в условиях объективации транснаучной парадигмы [21; 22].

Статья подготовлена в рамках реализации финансируемого РНФ проекта №15-18-10013 «Социо-антропологические измерения конвергентных технологий».

Список литературы

1. Аршинов В. И., Андреев А. Л. Технонаука и проблема человека // Вестник МЭИ. – 2011. – № 4. – С. 111–116.
2. Каменский Е. Г., Боев Е. И. Техногенная человекомерная система: тезисы по футурологии антропотехнической гибридизации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2014. – № 4. – С. 142–149.
3. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Методологические аспекты: монография / В. И. Аршинов, И. А. Асеева, В. Г. Буданов [и др.]; отв. ред. И. А. Асеева, В. Г. Буданов. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. – 239 с.
4. Перевозчикова Л. С. Субъектность как экзистенциальное социальное качество личности (гуманистическая парадигма) // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Вып. 5 (49). – С. 308–313.
5. Леонова Е. Ю., Ларионова О. Ф. Индивидуальная и социальная субъектность личности: проблемы формирования // Инновации. Интеллект. Культура: матер. XXII Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. / отв. ред. О. А. Новоселов. – Тобольск, 2015. – С. 139–142.
6. Скачков А. С. Субъектность человека – метапроблема социальной философии // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 263–270.
7. Кравченко С. А. Становление сложного социума: за гуманистический поворот // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 6 (33). – С. 220–224.
8. Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // СОЦИС. – 2012. – № 5. – С. 19–28.
9. Кравченко С. А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности: монография. – М.: МГИМО-Университет, – 2012. – 306 с.
10. Ритцер Д. Макдональдизация общества / пер. с англ. А. Лазарева. – М.: Праксис, 2011. – 592 с.
11. Ястреб Н. А. Индустрия 4.0: киберфизические системы и Интернет вещей // Человек в технической среде : сб. науч. ст. Вып. 2 / под ред. Н. А. Ястреб. – Вологда : ВоГУ, 2015. – С. 136–141.
12. Marks-Tarlow T. Semiotic Seams: Fractal Dynamics of Reentry // Cybernetics & Human Knowing. – 2004. – Vol 11, No 1. – P. 49–62.
13. Marks-Tarlow T., Robertson R., Combs A. Varela and the Uroboros: The psychological significance of reentry // Cybernetics & human knowing. – 2002. – Vol. 9, No 2. – P. 31–47.

14. Буданов В. Г. Концептуальная модель социо-антропологических проекций конвергирующих NBICS-технологий // Социо-антропологические ресурсы трансдисциплинарных исследований в контексте инновационной цивилизации: сб. ст. Междунар. науч. вебинара / отв. ред. И. А. Асеева. – Курск, 2015. – С. 24–34.

15. Аршинов В. И. Конвергентные технологии в контексте постнеклассической парадигмы сложности // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2015. – № 3. – С. 42–54.

16. Аршинов В. И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности // Философия мышления. – Одесса, 2013. – С. 59–73.

17. Каменский Е. Г., Черкашин М. Д. Общество риска и ответственность науки: экзистенциальный аспект // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 2. – С. 25–31.

18. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. – М.: ВШЭ, 2010. – 318 с.

19. Буданов В. Г. Образование эпохи большого транзита: риски, формы, технологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2015. – Т. 31, вып. 2 (199). – С. 37–51.

20. Романовский Н. В. Интерфейсы социологии и киберпространства // СОЦИС. – 2000. – № 1. – С. 16–23.

21. Гуманитарная экспертиза современного состояния системы высшего образования в России / Э. М. Сороко, В. Г. Буданов, И. А. Асеева [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2014. – 144 с.

22. Концепция развития социально-ориентированной гуманистической парадигмы системы образования / Э. М. Сороко, В. Г. Буданов, И. А. Асеева [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2014. – 204 с.

Получено 21.07.16

E. G. Kamensky, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: kamensky80@mail.ru)

IMAGE OF THE SOCIAL SUBJECT IN TECHNOGENIC REALITY OF DIFFICULT SOCIETY

This article has the purpose to create the general contours of scientific judgment of a problem of a modern image and the content of social subject in interface to technosphere developments, first of all convergent technologies. The essence of a problem is that in modern techno and social reality, contrary to transhumanistic expectations and philosophical pathos of the technocratic optimism, representing no more than the modernized ideology of post-modernist outlook, social essence of the person, his personality as an integrative sociocultural phenomenon, is subject degrades or at least becomes simpler. But anyway endures the deep social and existential crisis, thus considerably different for the reasons today from the similar conditions of the past which are cyclically present earlier at these or those stages of sociocultural development. This difference is dictated not only that unknown level of technical and technological progress which we observe today, but also his futurology in the widest range of her cultural and public locations, since scientific rationality, finishing existential experience of fear before the future in the individual and collective biography of the personality. These processes from positions of the solution of a problem of understanding and conceptualization of a problem of transformation of social subjectivity are object of this research.

Key words: social subject, subjectivity, personality operator, convergent technologies, scientific and technical progress, cyberphysical systems.

***

References

1. Arshinov V. I., Andreev A. L. Tekhnounauka i problema cheloveka // Vestnik MEl. – 2011. – N 4. – S. 111–116.

2. Kamenskij E. G., Boev E. I. Tekhnogennaya chelovekomernaya sistema: teziy po futurologii antropotekhnicheskoy gibridizacii // Izvestiya Yugo-Zapadnogo

gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment. – 2014. – N 4. – S. 142–149.

3. Socio-antropologicheskie izmeneniya konvergentnyh tekhnologij. Metodologicheskie aspekty: kollektivnaya monografiya / V. I. Arshinov, I. A. Aseeva, V. G. Budanov [i dr.]; отв. ред. I. A. Ase-

eva, V. G. Budanov. – Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», 2015. – 239 s.

4. Perevozchikova L. S. Sub'ektnost' kak ehkzistencial'noe social'noe kachestvo lichnosti (gumanisticheskaya paradigma) // Vestnik TGU. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2007. – Vyp. 5 (49). – S. 308–313.

5. Leonova E. Yu., Larionova O. F. Individual'naya i social'naya sub'ektnost' lichnosti: problemy formirovaniya // Innovacii. Intellekt. Kul'tura: mater. XXII Vseros. (s mezhdunarodnym uchastiem) nauch.-prakt. konf. / otv. red. O. A. Novoselov. – Tobol'sk, 2015. – S. 139–142.

6. Skachkov A. S. Sub'ektnost' chelovechestva – metaproblema social'noj filosofii // Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – N 2. – S. 263–270.

7. Kravchenko S. A. Stanovlenie slozhnogo sociuma: za gumanisticheskij povorot // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2013. – N 6 (33). – S. 220–224.

8. Kravchenko S. A. Slozhnyĭ socium: vostrebovanost' povorotov v sociologii // SOCIS. – 2012. – N 5. – S. 19–28.

9. Kravchenko S. A. Stanovlenie slozhnogo sociuma: k obosnovaniyu gumanisticheskoy teorii slozhnosti: monografiya. – M.: MGIMO-Universitet, – 2012. – 306 s.

10. Ritcer D. Makdonal'dizaciya obshchestva / per. s angl. A. Lazareva. – M.: Praksis, 2011. – 592 s.

11. Yastreb N. A. Industriya 4.0: kiberfizicheskie sistemy i Internet veshcheĭ // Chelovek v tekhnicheskoi srede : sb. nauch. st. Vyp. 2 / pod red. N. A. Yastreb. – Vologda : VoGU, 2015. – S. 136–141.

12. Marks-Tarlow T. Semiotic Seams: Fractal Dynamics of Reentry // Cybernetics & Human Knowing. – 2004. – Vol 11, No 1. – R. 49–62.

13. Marks-Tarlow T., Robertson R., Combs A. Varela and the Uroboros: The psychological significance of reentry // Cybernetics & human knowing. – 2002. – Vol. 9, No 2. – P. 31–47.

14. Budanov V. G. Konceptual'naya model' socio-antropologicheskikh proekcij konvergiruyushchih NBICS-tehnologij // Socio-antropologicheskie resursy transdisciplinarnykh issledovaniy v kontekste innovacionnoj civilizacii: sb. st. Mezhdunar. nauch. vebinara / otv. red. I. A. Aseeva. – Kursk, 2015. – S. 24–34.

15. Arshinov V. I. Konvergentnyye tekhnologii v kontekste postneklassicheskoy paradigmy slozhnosti // Slozhnost'. Razum. Postneklassika. – 2015. – N 3. – S. 42–54.

16. Arshinov V. I. Nablyudatel' slozhnosti v kontekste paradigmy postneklassicheskoy racional'nosti // Filosofiya myshleniya. – Odessa, 2013. – S. 59–73.

17. Kamenskij E. G., Cherkashin M. D. Obshchestvo riska i otvetstvennost' nauki: ehkzistencial'nyj aspekt // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. – 2011. – N 2. – S. 25–31.

18. Dzolo D. Demokratiya i slozhnost': realisticheskij podhod. – M.: VSHEH, 2010. – 318 s.

19. Budanov V. G. Obrazovanie ehphoi bol'shogo tranzita: riski, formy, tekhnologii // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. – 2015. – T. 31, vyp. 2 (199). – S. 37–51.

20. Romanovskij N. V. Interfejsy sociologii i kiberprostranstva // SOCIS. – 2000. – N 1. – S. 16–23.

21. Gumanitarnaya ehkspertiza sovremennogo sostoyaniya sistemy vysshego obrazovaniya v Rossii / Eh. M. Soroko, V. G. Budanov, I. A. Aseeva [i dr.]; Yugo-Zap. gos. un-t. – Kursk, 2014. – 144 s.

22. Konceptiya razvitiya social'no-orientirovannoj gumanisticheskoy paradigmy sistemy obrazovaniya / Eh. M. Soroko, V. G. Budanov, I. A. Aseeva [i dr.]; Yugo-Zap. gos. un-t. – Kursk, 2014. – 204 s.